

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*Хр. М. ДАНОВ, Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, северна Добруджа, източна и егейска Тракия от края на IX до края на III в. пр. н. е., София, 1969, 449 стр.*

Книга проф. Хр. Данова — крупное событие в болгарской исторической науке, в особенности для всех изучающих древнюю Фракию. Всякая попытка дать исчерпывающую оценку этой книги была бы трудно осуществима и в известном смысле оставила бы читателя неудовлетворенным. Вероятно, в отношении этой книги мы еще будем свидетелями продолжительного обмена мнений не только в специальной литературе, но и в близкой ей по тематике. Окончательная и прочная оценка этого исследования должна, разумеется, сложиться из совокупности мнений о нем многих ученых.

Блестящее полиграфическое оформление книги и многочисленные черно-белые иллюстрации, соединенные в таблицы, уже при самом первом знакомстве с книгой свидетельствуют о том, что мы держим в руках труд, заслуживающий высокого интереса. И действительно, «Древняя Фракия» критически суммирует научные достижения всего того поколения ученых, которое связывается с именами Г. Кацарова и Д. Дечева — пионеров в изучении фракийских древностей. Используя методологически правильно основные и все еще весьма важные результаты работ своих предшественников, Хр. Данов подводит им итоги, анализирует эти работы и этим самым как бы заключает целый этап развития болгарской историографии античности. Можно себе представить, что последующие исследования в области истории Фракии будут еще возвращаться к этому наследию как при разъяснении каких-либо частных вопросов, так и за справками при детальной интерпретации источников или каких-либо давно опубликованных памятников. Это — во-первых.

А во-вторых, необходимо подчеркнуть, что подлинный фундамент «Древней Фракии» заключается в успехах болгарской

марксистской историографии. Книга построена на теоретических принципах, обеспечивших быстрый успех фракийских исследований последнего времени. С другой стороны, она систематизирует те наблюдения и выводы, которые получены в результате исследования важнейших проблем и направлений, а именно, в области изучения развития производительных сил и производственных отношений, рабовладения и характера государственной организации у фракийцев, греческой колонизации западных берегов Понта, исторической географии фракийских племен и др. Эта книга — своеобразный научный отчет об исследовании, связанном с изысканиями и полемикой, событий и явлений большого исторического периода; она станет теперь исходной позицией для дальнейших усилий в области изучения древней Фракии.

Трудность обстоятельного рассмотрения этого труда возникает и еще из одного — третьего по счету — обстоятельства. В сущности книга Хр. Данова является первым систематическим марксистским исследованием в области истории Фракии в мировой литературе. И даже более того. Если не считать уже устаревших статей Г. Кацарова<sup>1</sup>, написанных всецело в индивидуалистическом духе и посвященных частным вопросам, и статей авторов, писавших для энциклопедии Паули — Виссова<sup>2</sup>, то имеется лишь вышедшая в недавнее время работа Визнера — сочинение буржуазного автора, которое только одно по задачам и охвату материала может соперничать с

<sup>1</sup> G. K a z a r o w, Thrace, САН, VIII, 1930, стр. 534—560, 781—783.

<sup>2</sup> Br. L e n k, Art. B e t z, G. K a z a r o w и др., RE, VI A, 1936.

книгой Хр. Данова<sup>3</sup>. Работа Визнера, впрочем, неудовлетворительна во многих отношениях: прежде всего она не стоит на уровне новейшей литературы. Ее методологическая основа слаба уже вследствие свойственного буржуазному автору эклектизма<sup>4</sup>. По всем этим причинам следует признать, что «Древняя Фракия» — в настоящее время основной труд по фракийской истории вообще. Отсутствие других подобных обобщений в научной литературе лишает нас возможности каких-либо сопоставлений, необходимых для оценки книги Хр. Данова. Подобные сопоставления были бы очень существенны, ибо посредством них могло бы быть выяснено более правильное отношение к архитектонике книги. Совершенно ясно, что книга построена как серия очерков, а в различных очерках ударение ставится на том, в отношении чего сам автор производил детальные предварительные исследования в своих предшествующих работах. Так, историография и источниковедение занимают 97 страниц, историческая география фракийских племен — 57, греческая колонизация — 76 (вместе с главой IV раздела II еще 32 стр.), что вместе составляет половину всего объема книги. Подобный подход к делу может быть признан уместным, поскольку общее состояние изученности предмета таково, что едва ли позволяет одинаково основательно раскрыть все вопросы так, чтобы изложение представилось целостным и равномерным. Подход этот, однако, мог бы быть оспорен с той точки зрения, что акцент в «Древней Фракии» следовало, вероятно, поставить не столько на упоминаемых Хр. Дановым исследовательских проблемах, сколько на внутренних исторических процессах, происходивших во Фракии рассматриваемого периода, на развитии общественных отношений и характере политического строя древних фракийцев. В этом возможном споре о построении данной книги, споре, который, однако, будет лишен возможности опереться на сопоставления, все же следует всякий раз иметь в виду, что архитектоника этого труда находится в связи с определенными и прочными результатами, полученными наукой к настоящему времени.

После этих предварительных замечаний, сделанных с целью получить общее представление о книге, следует обратиться к рассмотрению ее отдельных частей. Именно отдельных и некоторых, потому что все произведение не может быть здесь проанализировано от начала до конца. Я позволю себе остановиться на тех раз-

делах, которые, очевидно, входят в круг наиболее четко выраженных интересов автора, а также и на отдельных моментах, представляющихся важными в методологическом и в проблемном отношениях.

Первая глава первого раздела содержит историографический обзор. Существенной частью содержания этой главы является специальная работа, недавно опубликованная автором, где он критически рассмотрел буржуазную историографию античной эпохи в истории Болгарии. Работа эта вышла на болгарском и русском языках<sup>5</sup>. Новыми являются добавления, касающиеся наиболее значительных работ марксистской историографии древнефракийской тематики, а также тех работ, в которых эта тематика затрагивается частично. Хр. Данов дает здесь и оценку некоторых недавно изданных западноевропейских публикаций и исследований.

К положениям и выводам, известным уже из названного обзора, и к дополнительным экскурсам в книге трудно предложить какие-либо добавления, которые представляли бы сколько-нибудь существенный интерес. Может быть, следует указать на то, что автор не приводит в этом обзоре лингвистической и археологической литературы. Но ее отсутствие представляется оправданным самой тематикой книги. В книге не рассматриваются отдельные проблемы этногенеза и расселения фракийцев в конце II и начале I тыс. до н. э., так же как и другие связанные с этим вопросы, обстоятельное рассмотрение литературы о которых было бы по-прежнему, очевидно, излишним. Этот пропуск отчасти компенсируется упоминанием в разделе источниковедения основных лингвистических исследований и выводов (стр. 90—93), там же представлена и необходимая археологическая литература (стр. 78—90), относящаяся преимущественно к материалу эпохи раннего железа.

Хотя фактические данные и их интерпретация в книге наглядны и убедительны, но все же способ расположения материала остается спорным. И в других, более ранних своих работах, и в этой также Хр. Данов придерживается хронологического порядка изложения. Подобная практика обычно является наиболее распространенной. Но такой порядок, хотя он и удобен для справок, вряд ли может удовлетворить стремление к компактному, обобщенному и теоретически осмысленному познанию научного насле-

<sup>3</sup> J. Wiesner, Die Thraker. Studien zu einem versunkenen Volk des Balkanraumes. Urban Bücher («Die wissenschaftliche Taschenbücherei», 41), Stuttg., 1963.

<sup>4</sup> См. подробнее Хр. Данов, Древняя Тракия, стр. 38 сл.

<sup>5</sup> Хр. М. Данов, Критичен обзор върху буржоазната историография за България през античната епоха до 9. IX. България през античната епоха до 9. IX. 1944. 1. ГСУ — ФИФ, 57, 1963, кн. II, София, 1964, стр. 5—66; о н же, Критически обзор буржуазной историографии о болгарских землях в античную эпоху до 9. IX. 1944 г., ВДН, 1965, № 2, стр. 147—167.

дия. Подобное изложение могло бы быть принято в том случае, если бы используемые в книге работы были рассмотрены не только хронологически, но и по их проблематике, по высказанным в них научным взглядам. В этом случае стали бы отчетливее видны положения самого автора и в каком направлении разовьются его последующие усилия. «Древняя Фракия» только выиграла бы от такого построения ее I главы.

В первом параграфе II главы охарактеризованы основные источники по истории древнефракийских земель до появления римлян. Исходя из того, что предлагаемая работа является «историческим исследованием» (стр. 84) и что она, следовательно, основывается преимущественно на письменных источниках, мы находим в ней обзор античных авторов, занимающий более двух третей этой главы. В ней Хр. Данов изложил свои прежние исследования в области изучения данных Геродота, Полибия, Тацита и Ксенофонта и свои выводы в изучении источников<sup>6</sup>. Автор дополнил их ссылками на специальную литературу об отдельных писателях и в некоторых местах подкрепил свои прежние заключения новыми предположениями и более полной аргументацией. Хотелось бы привести только один пример. Анализируя пеан Пиндара в честь абдеритов, автор обращает внимание, помимо прочего, и на сведения о культе Аполлона Дерайноса, поскольку, по его справедливому предположению, этот эпитет бога (происходит ли он от топонима или нет) имеет фракийское происхождение. Но подобное предположение нуждается в дополнительных и более доказательных аргументах, поскольку, как кажется, в этом эпитете содержится корень *dheres* (смелый, храбрый), который, по мнению некоторых исследователей, присутствует и в названии фракийцев. Фракийский этноним звучал по-фракийски \**Drăsthes* и был грецизирован в *Drăsthes* с вариантами<sup>7</sup>. Из этого наблюдения Хр. Данов делает важный вывод, что и в других местах «эгейского побережья Фракии культ Аполлона обнаруживает определенные синкретические формы, в которых греческие и фракийские составляющие играют почти одинаковую роль» (стр. 49, 50). Эта мысль, безусловно, заслуживает внимания и представляет определенные перспективы

для исследований в области ранних фракийско-эллинических взаимоотношений.

Книга содержит сведения информационного характера об эпиграфических, археологических, лингвистических, нумизматических и папирологических данных (с соответствующими библиографическими указаниями), относящихся к истории древней Фракии. Так же кратко изложены и некоторые точки зрения. На стр. 78 автор приводит традиционную датировку (VIII—VI вв. до н. э.) появления железа в Болгарии, но в прим. 16 на основе предварительного сообщения о раскопках у водохранилища Чаталка близ Старой Загоры высказывает предположение, что железо, быть может, было уже известно значительно раньше. Подобная догадка подтверждается археологическими данными. Как теперь стало ясно из анализа керамики эпохи раннего железа во Фракии, датировка начала эпохи VIII—VI вв. до н. э. воспринята по инерции от того времени, когда археологический материал был еще недостаточен. В настоящее время эта старая датировка начала железа находится в противоречии не только с хронологией поздней бронзы и раннего железа в соседних областях, но и с находками на самой болгарской земле. Представляется совершенно правдоподобным, что начало железной эпохи следует относить к XII—XI вв. до н. э. и соответственно с этой датировкой производить периодизацию культур эпохи железа в пределах Фракии<sup>8</sup>. Вполне понятно, что новая хронология эпохи железа вносит значительные изменения в понимание некоторых археологических данных, а в связи с этим и в характер исторических процессов, происходивших на почве древней Фракии в конце II—начале I тыс. до н. э., прежде всего — в вопрос преемственности археологических культур в промежутках между этими двумя большими периодами. В качестве примера может быть отмечено, что соответственно новой датировке железа, вероятно, должна быть пересмотрена и датировка известного Вальчиранского клада. На стр. 180—181 Хр. Данов напоминает, что он в свое время хотя и подтвердил предложенную В. Миковым дату этого клада VIII в. до н. э., но вместе с тем высказал в отношении ее и некоторые сомнения.

Среди источников автор упоминает и папирусы (стр. 96—97). Приятно отметить, что впервые за все время изучения древней Фракии этот род памятников привлекается со всей определенностью. До этого папирологические данные о фракийцах использовались для изучения египетского этноса начиная с IV в. до н. э. и этнического состава египетского войс-

<sup>6</sup> Хр. Данов, Към историческия облик на древна Тракия. Изследования върху изворознанието на нашите земи, I, ГСУ — ИФФ, 40, 1943—1944, стр. 3—61; II, ГСУ — ИФФ, 43, 1946—1947, стр. 3—76.

<sup>7</sup> К. Влахов, Името на древните жители на нашата земя — траките, «Език и литература», XXXIII, 2, 1968, стр. 43—44.

<sup>8</sup> М. Чичикова, Керамика от Старата желязна епоха в Тракия, «Археология», X, 1968, кн. 4, стр. 15—27.

ка<sup>9</sup>. В болгарскую литературу этого рода данные частично были введены В. Бешевлиевым, рассматривавшим в некоторых своих работах положение фракийцев в Восточной Римской империи и в поздней античности<sup>10</sup>. Папирусные тексты были известны языковедам как материал для изучения фракийской ономастики, поэтому большое их число указано в обзоре фракийских языковых остатков у Д. Дечева. Позднее Г. Михайлов внес существенные методические уточнения в способы идентификации фракийцев в папирологических документах и пересмотрел некоторые имена<sup>11</sup>. В настоящее время В. Велковым и Ал. Фолом подготавливается специальное исследование о фракийской диаспоре в греко-римском Египте IV в. до н. э. — IV в. н. э. Таким образом, раздел «Папирология» в книге Хр. Данова стремится показать увеличение значения египетских и малоазиатских эллинистических данных для общей истории древней Фракии. К сожалению, тема и проблематика рецензируемой книги не позволили ее автору использовать богатые папирологические данные по фракийской социальной истории.

Второй раздел книги обнимает собой подлинно историческое исследование. В обширной первой главе, которая рассматривает социально-экономическое и политическое развитие древнефракийских племен от гомеровской эпохи до возникновения Одрисского царства (стр. 100—216), половина текста приходится на раздел «К исторической географии древнефракийских племен» (стр. 100—157). Не сомненно, Хр. Данов подчеркивает важность этой проблемы, считая своей задачей по возможности восполнение существующего доныне пробела в составлении полной карты племен фракийской общности. Хр. Данов составил такую карту, следуя хронологическому порядку сведений древних о каждом отдельном фракийском племени, упомянутом у Гомера. Принятый им метод требует объяснений, которые могут быть сведены к трем главным пунктам. Первое. Хр. Данов не касается положения этнических групп в южнодунайских землях в III—II тыс. до н. э., т. е. он не занимается вопросами этногенеза населения и его миграциями. За рамками книги остаются проблемы происхождения фракийцев — появление (или, как альтернатива, автохтонность)

фракийских племен на Балканском полуострове, пути и степень их индоевропеизации, этнические различия между теми племенами, которые именовались дако-мизийцами, фракийцами и фригийцами (это разделение, впрочем, проведено на основании трудов Вл. Георгиева, стр. 102, прим. 7—10), расселение племен фракийской общности на полуострове, хронология и масштабы передвижения части дако-мизийцев и фригийцев в Малую Азию, переименование их в вифинов в позднейшей Вифинии, так называемая фрако-киммерийская проблема и пр. С другой стороны, эти вопросы этногенеза прямо связаны с развитием производительных сил в связи с введением в употребление бронзы, а позднее железа и с прогрессом общественных отношений. Все эти вопросы вызвали очень оживленную полемику и интенсивный обмен мнений между археологами, лингвистами и историками, что породило уже значительную литературу. Именно эти проблемы были рассмотрены и на Первом Международном симпозиуме по этногенезу балканских народов, состоявшемся в Пловдиве в апреле 1969 г. («Труды» его будут опубликованы в скором времени). Почему же тогда Хр. Данов предпринял исследование, не касаясь этих вопросов и начав его с IX в. до н. э.? Надо иметь в виду, что правильный подход к успешному разрешению всех этих связанных между собой вопросов, относящихся к истории III—II тыс. до н. э., еще не полностью разработан. И правда то, что методика исследований в этой области еще недостаточно усовершенствована. Прежде всего необходимо приступить к уточнениям синхронизации культурных групп в среднедунайской, карпато-балканской и малоазиатской (преимущественно Западной Малой Азии) зонах, к выяснению вопроса о связи этих групп и взаимных влияниях. Одновременно следует подождать, пока будет выработана единая и достоверная точка зрения на историческую преемственность между неолитом и энеолитом, между энеолитом и бронзой и между бронзой и железом на Балканском полуострове и в соседних областях. Начинает выясняться, что отмеченные археологические цезуры между этими эпохами не столь продолжительны и повсеместны. Они говорят, вероятно, скорее о политических, чем о хозяйственных или этнических катастрофах. Наконец, становится ясно, что необходимо сопоставить более тесно археологические и лингвистические данные. Если принять во внимание то обстоятельство, что древнейший засвидетельствованный языковый пласт на полуострове по топонимическим данным индоевропейский и приходится на II тыс., то его обособление и стабилизацию следовало бы отнести самое позднее к III тыс. и приписать этот пласт тогдашнему автохтонному населению. Вероятно,

<sup>9</sup> Библиографические указания на основные работы — Фр. Хейхельхайма и М. Лоне, см. Данов, Древна Тракия, стр. 97, прим. 61.

<sup>10</sup> См. особенно В. Бешевлиев, Проучвания върху личните имена у траките, София, 1965, где упомянуты и более ранние исследования этого автора.

<sup>11</sup> G. Mihailov, *Les Thraces en Egypte, «Linguistique Balkanique»*, XIII, 1, Sofia, 1969, стр. 31—44.

в скором будущем признают, что медленный темп индоевропеизации плотного местного этноса объясняется инфильтрацией чужеземных групп. В этом отношении бесспорно помогут еще не производившиеся широким фронтом антропологические исследования.

Эта методика, существенная в исторических условиях Балканского полуострова и соседних с ним районов, безусловно приведет к достижению серьезных успехов в решении основных проблем III—II тыс. и перехода к I тыс. — вопросов этногенеза и этнической стратиграфии и некоторых других более частных вопросов, таких, как вопрос о фригийском и фракийском субстрате в Элладе и на островах и др. Примеры подобного комплексного использования археологических, языковых и исторических данных уже имеются<sup>12</sup>.

Второе. При упоминании каких-либо племен, например, гетов, мизийцев и других, автор приступает прямо к систематизации данных, представляющихся ему достоверными. Систематизация эта, кроме того, произведена в хронологическом порядке. Следовательно, Хр. Данов дает понять, что письменные данные содержат в себе много напластований, что не все из них оказываются подходящими и что историко-географический обзор имеет смысл лишь тогда, когда он дифференцирует материал по эпохам. Этот принцип, хотя и не сформулированный отчетливо, очень важен. Действительно, при ознакомлении с исторической географией древней Фракии необходимо представить себе прежде всего существование догомеровского пласта, который относится ко времени до большой миграции, имевшей место ко времени и после Троянской войны (XIII в. по последней датировке Блэгена). В этом догомеровском пласте содержалось уже примерное расположение будущих племенных групп дако-мизийцев, фракийцев и фригийцев и тенденции к их передвижению в юго-восточном направлении. Следующий пласт был бы гомеровским и содержал, вероятно, начальное разделение на племена, но и то скорее в географическом, чем в этническом смысле. Как говорит Хр. Данов на стр. 100, Гомер знает фактически два фракийских племена — кикон и синтиев, других он обозначал как пеонов, как фракийцев у Стримона или у Геллеспонта. Третий пласт историко-географических сведений требовалось бы определить, вероятно, как архаический. Данные о нем содержатся у ранних поэтов и логографов и в нем угадываются расширенные представления об эллинах на землях к северу от Эллады и эгейского побережья. К этому времени

древняя Фракия простиралась до Балканского хребта, а в некоторых местах и до Черноморского побережья. Античные географы включали в описание Фракии также и области в нижнем течении Дуная. В третьем пласте историко-географических сведений может быть отмечена этническая обособленность населения и прослежены границы между территориями отдельных крупных племен. И только четвертый пласт, основывающийся на сведениях классических и эллинистических писателей, в значительной мере систематизированных и пересмотренных Страбоном, может в действительности послужить твердым основанием для составления карты фракийских племен. Именно на основании этих сведений Хр. Данов строит свою историческую географию фракийских племен и очерчивает приблизительные границы племенных союзов и даже некоторых ответвлений больших племен. В этом отношении римские писатели не добавляют ничего существенно нового.

Третье. Имея в виду два высказанные соображения — сложность этногенетических процессов III—II тыс. до н. э. и различие сведений историко-географического характера по их времени и значению, следовало бы поставить вопрос: что, собственно, должно пониматься под понятием «фракийцы» в различные эпохи? Этот вопрос, практически не существовавший для античных авторов, не был реальным и для науки XVIII—XIX вв. вплоть до середины XX в., когда он стал давать себя чувствовать в той или иной форме. Хр. Данов не поставил его отчетливо, но структура соответствующего раздела и ход изложения подсказаны авторской точкой зрения. На стр. 176 Хр. Данов пишет, что к концу IX в. до н. э. одрисы, горные бессы и другие племена обладали уже в значительной мере определенной территорией. Одновременно в эпоху так называемого второго большого переселения там проходили скифы и киммерийцы, а вифины перешли в Малую Азию. Племенные массы выходили и из долины Стримона. Очевидно, миграционным процессам этого периода Хр. Данов приписывает в качестве основания прочное или относительно прочное сложение тех племен, которых позже классические писатели назовут в их совокупности фракийцами. С другой стороны, на стр. 127—131 автор находит возможным допустить, что эти фракийские племена наслоились на прежнее население, на племена, захваченные ими на месте, в связи с чем он показывает, что в земли кикон продвинулись новые племенные группы. И далее Хр. Данов не упускает возможности отметить этническую пестроту фракийского населения в классическое время, приводя на стр. 118 известное место из Геродота (V, 3) о различиях в обычаях между «остальными фракийцами» и гетами, трав-

<sup>12</sup> Д. И. Димитров, Троя VII b 2 и балканские фракийские и мизийские племена, «Археология», X, 1968, кн. 4, стр. 1—14.

сиями и «теми, которые живут выше крестонов» (при редактировании допущена ошибка: «на север от гетов»). Племена, жившие выше крестонов, были пеонско-го происхождения.

В общем смысле эта точка зрения представляется наиболее приемлемой в настоящее время. Этническая структура населения, жившего к югу от нижнего течения Дуная, с приблизительной западной границей по междуречьям Тимок — Морава, Нансос — Скупи, Вардар — Стримон (где, впрочем, взаимная инфильтрация была неизбежна) действительно представляется очень сложной. Поскольку устанавливаемые археологическими раскопками разрывы между неолитом и бронзой не приобретают значения повсеместной и всеуничтожающей этнической и хозяйственной катастрофы, речь может идти, таким образом, о существовании единого автохтонного субстрата населения в III—II тыс. до н. э. По мнению Вл. Георгиева, это население было индоевропеизировано на месте, вероятно, уже в III тыс.<sup>13</sup> Произвели эту индоевропеизацию носители некоторых топонимов. В их число, вероятно, входили и пеласги. В начале эпохи бронзы тогдашние жители при быстром или медленном процессе индоевропеизации испытали нашествие пришельцев, т. е. произошла политическая катастрофа, повлекшая за собой изменения местожительства и явления взаимоассимиляции. Следует думать, что эти северные пришельцы усилили процесс индоевропеизации. Это этническое развитие привело, как кажется, к образованию и обособлению трех больших этнических общностей — дако-мизийцев, фракийцев и фригийцев, а окончательное оформление их этнического облика произошло в ходе их миграций, особенно значительных в XIII в. до н. э., коснувшихся также и Малой Азии. Следовательно, применительно ко II тыс. до н. э. понятие «фракийцы» остается условным до тех пор, пока лишь в конце II и в начале I тыс. фракийцы не спустились к югу. Их географический ареал, однако, был прорезан дако-мизийскими внедрениями в его западной части и вплоть до областей к югу от Балканского хребта. Позднее эта этническая структура была еще осложнена другими, хотя и поверхностными наслоениями. Можно

сказать, что и тогда — в I тыс. до н. э. — понятие «фракийцы» было условным применительно к землям, расположенным к югу от нижнего течения Дуная, и было реальным преимущественно в области между Балканским хребтом и Эгейским морем. Хр. Данов, следовательно, с определенными основаниями вводит термин «фракийцы» применительно к началу I тыс. При этом он отмечает и другую важную составную часть южнодунайского населения — дако-мизийцев, употребляя это имя в качестве собирательного понятия применительно к четырехугольнику между Дунаем и Эгейским морем, между Черным морем и вышеочерченной западной границей. В таком случае термин «древняя Фракия» является обобщающим этническим и географическим понятием для локализованного в этом четырехугольнике населения, которое состояло из двух основных племенных групп, при незначительной инфильтрации со стороны (кельты и др.). С другой стороны, однако, своеобразное направление историко-материального процесса в этом районе обусловило его относительное единство на протяжении античности. Это и превращает его в единый исследовательский объект.

К этому параграфу необходимо сделать краткое замечание о том, что на стр. 122, прим. 64 автор определяет Бесепару как торжище бессов, которое может быть и было действительно таковым помимо того, что оно было селищем. Мнение Дечева относительно названия Бесепара будто оно означает «торжище бессов», однако, устарело. Новые этимологии Вл. Георгиева и К. Влахова в отношении PARA дают соответственно «поток» и «село»<sup>14</sup>.

Следующие параграфы первой главы: «Дороги и пути сообщения в древнефракийских землях до основания Одрисского царства» (стр. 157—172), «Социально-экономическое развитие древней Фракии догомеровской эпохи» (стр. 172—178), «Социально-экономическое развитие древней Фракии в гомеровскую эпоху» (стр. 178—186), «Политическое развитие фракийских племен в гомеровскую эпоху» (стр. 186—193), «О некоторых аспектах развития духовной культуры у древних фракийцев с IX до начала V в. до н. э.» (стр. 194—216) раскрывают важнейшие моменты истории Фракии доклассической эпохи. К указанным на литературу может быть добавлена работа В. Велкова относительно локализации Р. Артеск и произведенный им анализ положения

<sup>13</sup> V. I. Georgiev, L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques, «Actes du Symp. Intern. sur l'ethnog. des peuples balkaniques» (Plovdiv, 23—28 avr. 1969) (в печати). Выводы, основанные на археологическом материале, см. G. Georgiev, Beiträge zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Südbulgarien, «Archaeologia Austriaca», 42, Wien, 1967, стр. 90—144.

<sup>14</sup> Вл. Георгиев, Тракийската дума PARA и походът на Александър Македонски към Истрос, «Изв. на Инст. по бълг. ез.», IX, 1962, стр. 5—10; K. Vlahov, Das thrakische Wort PARA und seine Deutung, «Ziva Antika», XV, 2, 1966, стр. 295—304.

труда в гомеровской Греции на примере «жреца Марона» (к стр. 186)<sup>15</sup>.

Глава II «Греческая колонизация берегов древней Фракии» (стр. 217—294) суммирует прежние исследования автора в этой области. Здесь представлены выводы его статей, исследований и книг о колонизации западного берега Понта, первое обобщение которых было представлено автором с исчерпывающей библиографией в RE, Supplbd. IX, 1962. Помимо упоминаний вновь появившейся литературы в книге изложены некоторые новые положения о колонизации берегов Пропонтиды и Эгейского моря. К этой же теме исследования относится и IV глава «Проникновение фракийцев в греческие колонии и их внешнеполитические отношения» (стр. 401—431). В этой главе уточняются вопросы отношений между городами и хинтерландом и сформулированы выводы о значении греческих центров для исторического развития фракийских племен.

III глава «Одрисское царство» (стр. 295—400) занимает и по охвату материала, и в методологическом отношении, и по конкретно-исследовательскому значению центральное место во второй части. Поэтому она заслуживает особого рассмотрения. В первом параграфе главы «К вопросу о возникновении и характере государства у фракийцев» и поставлена эта, много раз обсуждавшаяся, проблема. Хр. Данов связывает возникновение государства с сельской общиной (стр. 303—311), что представляет серьезный шаг вперед в разрешении этой проблемы. Мне представляется, что точная характеристика государства у фракийцев может быть получена именно в результате анализа сельской общины, которую Хр. Данов с полным основанием называет «основным ядром фракийского общества» (стр. 311). В сущности место сельской общины в системе рабовладения начинается лишь в последнее время расцениваться высоко, что получило известное отражение в полемической литературе, касающейся так называемого «азиатского способа производства», и в некоторых специальных исследованиях об общине во Фракии<sup>16</sup>. Исходя из постановки вопроса К. Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству», Хр. Данов отмечает, что племенная организация, основывавшаяся на родовом признаке, древнее племенной организации, основывавшейся на признаке территориальном, и

что первая всегда сменяется второй (стр. 306). Эти же два этапа прослеживаются и для древнефракийской истории. По мнению Хр. Данова, в сведениях Гекатея впервые отмечается существование уже обособленных племенных территорий и, следовательно, наличие территориально организованного объединения. Вывод этот, вероятно, нуждается в дополнении в том смысле, что если это так, то процесс распада родовой общины у фракийцев и образования соседско-территориальной общины следует относить ко времени до VI в. до н. э. Начало этого процесса приходится на эпоху поселения фракийских племен на территории, занимаемой ими в I тыс., т. е. на начало употребления железа и миграционных процессов, имевших место после XIII в. до н. э. Установив наличие сельской территориально-общинной структуры во Фракии, Хр. Данов делает второй шаг и отмечает в подтексте, что эта структура является достаточным основанием для возникновения государственной организации. Он ее называет «в значительной степени самобытным фракийским типом государства» (стр. 302). Следует полагать, что это определение имеет в виду «неклассическую», с точки зрения соответствия строю греческих полисов, особенность происхождения государства. Характер производственных отношений в сельской общине был в самом деле таков, что эти отношения могли служить достаточно прочной основой для процесса образования государства. Антагонизм между сельскими общинниками и племенной верхушкой особенно ярко проявлялся в сфере взаимоотношений, связанных с основным средством производства, а именно — с землей. Это — отношения между фактическими держателями и фактическими собственниками, когда собственники-аристократы экспроприируют производителей посредством различных форм полной и неполной зависимости, экономическим и внеэкономическим путем. В последнее время высказано много точек зрения о характере докапиталистических формаций и роли общинных установлений в их поддержании. Согласно этим точкам зрения, рабовладельческие производственные отношения зарождаются в недрах общины и получают свой законченный вид в полисе. Сельская община содержала потенциальную возможность для развития рабовладения «классического типа»<sup>17</sup>. «Запозднение» древней Фракии по сравнению с эллинскими полисами обуславливается рядом историко-географических и общественно-экономических обстоятельств. Такое «запаздывание», впрочем, отмечается и в некоторых северных районах Эллады, в Иллирии и в Македонии. Рабовладение на Балканском по-

<sup>15</sup> V. Velkov, Über den antiken Namen des Flusses Arda, «Изв. на Инст. по бълг. ез.», XVI, 1968, стр. 79—85; он же, Робството в Тракия и Мизия през античността, София, 1967, стр. 16—18.

<sup>16</sup> Al. Föl, Die Dorfgemeinde in Thrakien im ersten Jahrtausend v. u. Z., «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», I, 1969, стр. 279—322.

<sup>17</sup> Föl, Die Dorfgemeinde..., стр. 280—282.

луострове, очевидно, знало высшие и низшие ступени. Во Фракии и в соседних с ней областях оно эволюционировало медленно и с локальными особенностями. Оно не могло достичь классических образцов вследствие совокупности внутренних и внешних (македонское, кельтское, римское завоевание) причин.

В научной литературе высказаны и другие определения фракийской государственной организации. Недавно Т. Д. Златковская рассмотрела эти проблемы в связи с некоторыми результатами дискуссии об «азиатском способе производства»<sup>18</sup>. Высказанная автором концепция «протофеодалного характера» фракийской державы бесспорно интересна, но она исходит не из детального рассмотрения фракийских общественных отношений, а лишь из отсутствия явного рабовладения. Однако его отсутствие не является решающим обстоятельством, ибо весьма существенно установить, какая тенденция развития была заложена во фракийском обществе. Мы считаем, что эта тенденция, хотя и не выявленная до конца, в основе своей была рабовладельческой. Не следует забывать также и того, что в I в. до н. э. — I в. н. э. древняя Фракия в конце концов вошла в систему римского рабовладения провинциального типа со всем свойственным ему своеобразием<sup>19</sup>.

Из числа проблем, затронутых в следующей — третьей главе, могут быть специально отмечены две, содержащиеся в параграфе «Греция и Фракия до возникновения Одрисского царства» (стр. 317—362). Первая касается греко-фракийских отношений и связей в VI в. до н. э. до персидского вторжения. Подробное, внимательное и убедительное повествование о политике Писистрата и Мильтиадов на Эгейском море и на Фракийском Херсонесе представляется наилучшей частью книги. Этот раздел характеризует отличным знанием источников и литературы, заполняя собой большую лакуну в наших представлениях о контактах фракийцев с прибрежными эллинами. Вторая проблема связана с персидским присутствием в Южной Фракии и с часто дискутируемым вопросом о возможном существовании персидской сатрапии на территории Фракии (стр. 328 сл.). Вывод Хр. Данова о том, что такой сатрапии не существовало и что персы установили лишь «не особенно действенный контроль» и осуществляли свои широко известные мероприятия в порядке «предва-

рительного этапа их экспансии» (стр. 341), базируется на письменных данных и прежде всего на сведениях Геродота. К такому же мнению склоняется и большинство ученых. Здесь необходимо сослаться также и на эпиграфический материал, исследованный В. В. Струве. Выводы, полученные из новых прочтений и сопоставлений надписи Дария в Персеполе, на Бехистунской скале и Накширустемской надписи А, эти данные — сами по себе не особенно ясные — в большой степени подкрепляют выводы Данова<sup>20</sup>.

Последний параграф III главы — «Одрисское царство в первые десятилетия своего развития» (стр. 362—400) обнимает очень важный период в истории большого фракийского государства. Он отличается полноценным и всесторонним раскрытием общественно-экономических и политических процессов, характерных для этой эпохи. Автор в особенности выделил те области и хронологические отрезки, для которых имеются более подробные и ясные данные. Он остерегся, например, гипотетической реконструкции известных в литературе предположений о царствовании и о политике предшественника Котиса I — Хебризельмиса. Извлекаемые из эпиграфических фрагментов и монет некоторые данные на этот счет справедливо отсутствуют в его книге.

Последняя, V глава второй части — «Фракия в III в. до н. э. и вопрос о Кельтском царстве в истории древней Фракии» — достаточно кратка (стр. 433—443). Она касается одной важной проблемы кризисных явлений во Фракии в III в. до н. э., когда на ее землях на короткое время удержалось объединение некоторых кельтских племен. Свое мнение о незначительном влиянии кельтов на материальную культуру фракийцев и на их общественное и политическое развитие Хр. Данов документирует письменными и археологическими данными, занимая в этом вопросе ясную позицию по отношению к представлениям противоположного характера, наличествующим в болгарской научной литературе.

Так как общая оценка «Древней Фракии» была уже дана в начале этой рецензии, в конце ее едва ли может быть что-то прибавлено. Единственно, что остается — это высказать пожелание о необходимом продолжении этой книги, которое охватило бы последние века до и первые века после начала нашей эры. В этом случае научная литература обогатилась бы еще и целостным обобщением древнефракийской истории вплоть до раннеимператорской эпохи включительно.

Александр Фол

<sup>18</sup> Т. Д. Златковская, О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах. Фракия, ВП, 7, 1968, стр. 101—117.

<sup>19</sup> По всем этим вопросам более подробно см. Ал. Фол, Демографская и социальная структура на древна Тракия през I хилядолетие пр. н. э., София, Изд. «Наука и изкуство», стр. 10 сл. (в печати).

<sup>20</sup> В. В. Струве, Дарий I и скифы Причерноморья, ВДИ, 1949, № 4, стр. 15—28; он же, ИАН, 16, 1950, стр. 115—130; он же, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 103—114 (особенно стр. 106, 107 и 110).